

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ САТИРА
В РОМАНЕ В. АКСЕНОВА *ОСТРОВ КРЫМ*

SOCIAL AND POLITICAL SATIRE IN VASILY AKSYONOV'S NOVEL
THE ISLAND OF CRIMEA

АНТОНИ МУРАВСКИ

ABSTRACT. This article is devoted to analyzing the use of satire and parody in Vasily Aksyonov's novel *The Island of Crimea* (1979). The author of this article presents a variety of aspects concerning the meaning of comic elements that were used by the writer to show the dissonance between reality and the idealistic as well as subjective perception of a difficult political and social environment.

Antoni Murawski, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Poznań – Polska.

Сатира, уходящая корнями в древний Рим, чаще всего определяется как особая, свойственная всем литературным жанрам, форма художественного отображения действительности – обличения и высмеивания отрицательных, внутренне превратных явлений жизни. В этом случае о сатире можно говорить как о типе художественного пафоса, особой разновидностью комического: уничтожающем осмеянии предмета изображения, раскрытии его внутренней несостоятельности, несоответствия своей природе или предназначению. Как справедливо замечает Л. Хатчеон, сатира, в отличие от пародии, высмеивает внетекстовые пороки, прежде всего нравственного и социального характера¹. Обязательное следствие сатирического творчества – смех. Смех как реакция на сатиру может звучать открыто или приглушенно, но всегда остается – наряду с обличением – основой сатиры, ее способом обнаруживать несоответствия между видимостью и сущностью, формой и содержанием². Этим художественная сатира отличается от прямых видов критики личных и общественных недостатков. Природа смеха, так же, как и его смысл, отличают сатиру от юмора. Сатирик, в отличие от юмориста, не ставит себе целью рассмешить читателя – смех

¹ L. Hutcherson, *Ironia, satyra, parodia – o ironii w ujęciu pragmatycznym*, „Pamiętnik Literacki” 1986, nr LXXVII, z. 1, s. 337.

² А. Вулис, *Сатира*, [в:] *Краткая литературная энциклопедия*, под ред. А.А. Суркова, т. 6, Москва 1971, с. 672.

в таком случае становится не самоцелью, а средством разоблачения недостатков и пороков, как человеческих, так и социальных.

Сознательное „искажение” действительности, достигаемое путем выделения и утрирования некоторых ее пластов, формирует сатирический образ. В нем проявляется скрытая ранее комическая сторона явлений и предметов. Сатира в некой степени пародирует жизненный объект, стремясь достичь вышеупомянутой цели. Степень „расхождения” сатиры с действительностью бывает разной. „Она то приближается к ней вплотную, то в своих преувеличениях и обобщениях настолько далеко отходит от жизненного материала, что реальные признаки получают в образе воплощение фантастическое, подчеркнуто условное”³. Отклонение сатирического образа от „обычного” достигается путем гиперболизации, заострения, гротеска и других приемов. В гротескные формы может воплощаться фантастический сюжет произведения, как, например, в *Истории одного города* Михаила Салтыкова-Щедрина, *Клопе* Владимира Маяковского и, конечно же, в *Острове Крым* Василия Аксенова.

В русской литературе сатира развивалась с конца XVII века, однако лишь в XIX столетии приобрела свои характерные, типично „русские” черты. По словам Виссариона Белинского, основополагающее значение для этого процесса имела пьеса *Недоросль* Д. Фонвизина, которая „зачинает собой тот славный ряд величайших созданий русского комического гения, в котором непосредственно за ним станут *Горе от ума* Грибоедова, *Ревизор* Гоголя, пьесы о «темном царстве» Островского”⁴. Ярче всего „русские” черты сатиры выразились в произведениях Николая Гоголя, у которого знаменитый критик отметил „слитность смеха с грустной любовью”⁵. Сатира не менее двойственна в сочинениях Федора Достоевского: смеясь, она в то же время скрывает „невидимые миру слезы”. Как пишет Вадим Полонский, „посмеявшись, читатель переходит от конкретных впечатлений к итоговому размышлению: частное предстает перед ним крупницей всеобщего, и тогда в сатире обнаруживается трагическое, ощущение надлома в законах самого бытия”⁶. Похожее впечатление, несомненно, может возникнуть у читателя *Острова Крым*.

³ Там же.

⁴ В. Б е л и н с к и й, *Из статьи „Литературные мечтания”*, [в:] Д. И. Ф о н в и з и н, А. С. Г р и б о е д о в, *Пьесы*, Москва 2004, с. 261.

⁵ В. Б е л и н с к и й, *Похождения Чичикова, или „Мертвые души”*, [электронный ресурс:] http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_0250.shtml (12.09.2012).

⁶ В. П о л о н с к и й, *Сатира*, [электронный ресурс:] http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/SATIRA.html?page=0,1 (12.09.2012).

Написанный Василием Аксеновым в 1979 году роман сложно отнести к какому-либо жанру: в нем есть и фантастические предположения, и смелая политическая сатира, и определенная доля сюрреализма. Нельзя полностью согласиться с учеными, однозначно относящими произведение Аксенова к жанру антиутопии, являющейся предостережением для современников. *Остров Крым* – это скорее альтернативная история, ставящая своей задачей создание дееспособной модели общества, пошедшего по иному, отличному от современного, пути развития. Похожим образом характеризует произведение Э. Дадаян, указывая, что „*Остров Крым* написан на пересечении жанров антиутопии и альтернативной истории”⁷. Утопическим пространством, возникшим в результате фантастического допущения автора, становится отделенный от материка Крым. В романе он представлен в качестве острова иллюзий и миражей. Автор сам неоднократно подчеркивает это в тексте произведения. „Там и сям в изгибах псевдомира разбросаны бары, ресторанчики, витрины дорогих магазинов”, в „Аркадах воображения” „ни один турист не замечает перехода из мира естественного в искусственный”⁸.

Островной статус Крыма повлиял на исторический процесс лишь в ходе Гражданской войны, зимой 1920 года. Когда Красная армия идет в „последний и решительный бой”, а деморализованная армия белых и союзников готовится к капитуляции, двадцатидвухлетний лейтенант английского крейсера, вмерзшего в лед пролива, Бейли-Лэнд, „без всякого классового сознания, без ненависти к победоносным массам, а только из чистого любопытства – что получится” и „слегка с похмелья” „отвернул исторический процесс”⁹. Такая мелкая случайность прерывает у Аксенова закономерный ход колеса истории, один прыщавый лейтенант останавливает победоносную Красную Армию и разрушает теорию исторического детерминизма.

Вымышленный герой романа взорвал снарядами корабельных орудий лед пролива, потопив передовые части большевиков, сорвал их наступление и нечаянно спровоцировал историческую развилку: континентальная Россия стала строить социализм, тогда как ее островная часть – буржуазную республику американского типа, демонстрируя явные преимущества экономической и политической свобод, обеспечивших невиданное процветание и изобилие.

Василий Аксенов создал в романе образ государства, являющего собой фантастическое, нереальное с точки зрения исторического про-

⁷ Э. Дадаян, Роман В.П. Аксенова „Остров Крым” как альтернативная антиутопия, [в:] *Университетские чтения – 2009*, под ред. З. Заврумова, Пятигорск 2009, с. 133.

⁸ В. Аксенов, *Остров Крым*, Симферополь 1992, с. 47.

⁹ Там же, с. 284.

цесса социально-политическое образование. Это своего рода иллюзия, рай земной, идеальное воплощение капиталистической модели развития экономики и свободного общества. Остров Крым, или, как сокращенно называют его местные жители, „остров О'Кей" – это витрина демократии, с ультрасовременной армией, именуемой „форсиз", столицей в космополитичном Симфи (который давно уже никто не называет Симферополем). На фоне всеобщего изобилия главной проблемой островитян становится вопрос самоидентификации и судьбы их исторической родины. В итоге жители Крыма с большим энтузиазмом поддерживают Идею Общей Судьбы и решают обратиться к СССР с просьбой о воссоединении.

Жители Крыма никак не могут сформировать собственную национальную идею. С одной стороны, они все еще считают себя истинной Россией, с другой – формируется поколение ЯКИ, стремящееся создать свой собственный язык, смесь русского, татарского и английского. Аксенов, показывая несостоятельность движения, доказывает, что искусственное формирование национального сознания не приносит в конечном итоге желаемых результатов. Крым оказывается богатой, красочной страной, но, вместе с тем, несчастной безыдейной „пустышкой".

Создавая картину вымышленного государства, Аксенов использует приемы пародийности. Именно художественными пародиями представлена важная разновидность сатиры. Большинство литературоведов сходятся во мнении, что эти понятия тесно взаимосвязаны. Приводя слова Михаила Бахтина, напомним, что „всякая существенная пародия всегда сатирична, и всякая существенная сатира всегда сочетается с пародированием"¹⁰. В рамки пародии вписывается безусловно главный герой *Острова Крым* Андрей Лучников – „мистер Мальборо". Он больше похож на голливудский персонаж, чем на реального человека. „Он – Луч, вот он кто... мотоциклист, баскетболист и автогонщик, он лидер молодежи 50-х, лидер плеейбойства 60-х, лидер политического авангарда 70-х, он лидер"¹¹. К тому же русский Джеймс Бонд оказывается даже всестороннее секретного агента британских спецслужб. Кроме невероятной физической силы, ловкости, огромной фантазии и таланта в постельных делах, он свободно общается на нескольких языках, является успешным редактором главной крымской газеты и активным политическим деятелем. Влюбляются в него все женщины, в том числе и подруги его собственного взрослого сына, но и он способен почувствовать что-то наподобие любви. Стоит отметить, что в романе Аксенова образ главного героя, так же, как и образ всего Крыма, – это не столько сатира на западный, американский уклад жиз-

¹⁰ М. Бахтин, *Собрание сочинений*, т. 5, Москва 1997, с. 13.

¹¹ В. Аксенов, указ. соч., с. 105.

ни, сколько высмеивание идеализированного воображения советских граждан о зарубежном, недоступном и потому легендарном мире.

В *Острове Крым* мы имеем дело также с сатирой на оторванный от реальной действительности бюрократический мир политики, причем вне зависимости от его идеологической окраски. Василий Аксенов описывает явления, которые наблюдаются и сегодня. На заседании „полукомиссии или четвертькомитета Юнеско“¹² дипломаты не могут решить, как правильно в процентах выразить уровень свободы в СССР. При этом, высказывая свою точку зрения, они стремятся впечатлить слушателей не сутью произнесенного, а разоблаченными Аксеновым приемами политтехнологий:

Вот он на трибуне. Каскад сногшибательной мимики. Ярчайшая улыбка (президент Картер) фиксируется чуть ли не на целую минуту. Затем из кармана кеханьем, чмоканием, прочисткой горла и полости рта (генсек Брежнев) извлекаются очки. Легкий поворотец, псевдомечтательный взгляд в сторону и с „очаговательной кагтавостью“ [...] месье Сабашников начинает свой спич¹³.

Фальш присутствует также в отношениях между СССР и Республикой ОК. Советские лидеры официально не замечают Крыма-России (как именуют себя власти в Симферополе), что не мешает им организовать Общество культурных связей СССР – Восточное Средиземноморье, являющееся, по сути дела, советским посольством в Крыму.

С такого рода курьезами мы имеем дело и в реальном, современном мире. Примером может стать Китайская Республика, более известная под названием Тайвань. Большинство стран, опасаясь реакции властей в Пекине, не признают ее официально и вместо посольств открывают на ее территории культурно-торговые представительства. Аналогия между аксеновским Крымом и реальным Тайванем отмечена и самим автором романа, назвавшем два острова „отдаленными братьями“¹⁴.

Так же условно, как Китайская Республика, звучит топоним База Временной Эвакуации, как официально именуется остров Крым самое старшее поколение „белой России“. Оно словно застыло во времени – несмотря на то что прошло уже 60 лет с момента окончания гражданской войны, они все еще удерживают Временное Правительство во главе с впремьером, Центральным Банком Вооруженных Сил Юга России и прочие архаичные учреждения. Бывшие белогвардейцы именуют себя вревакуантами – словом, образовавшимся на базе определения „временный эвакуант“. Возможно, описывая „крымскую диаспору“, ее

¹² Там же, с. 83.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, с. 24.

попытку сохранить осколки прошлого, Аксенов намекает на судьбу реальной русской эмиграции, которая в определенный момент тоже в каком-то плане застыла между миром прошлого и изменяющейся действительностью. Среда русской аристократии в *Острове Крым*, встречающаяся в тесном кругу на бесконечных четвергах у Оболенских и пятницах у Нессельроде, пытающаяся делать вид, что за окном все еще Россия времен серебряного века, во многом напоминает обстановку в среде русских послереволюционных эмигрантов Западной Европы.

Важное место в романе *Остров Крым* занимает сатира на свободные общественные нравы, как в идеологизированном СССР, так и в свободном Крыму. Понятие моральности является весьма расплывчатым, и у героев произведения явно возникают проблемы с определением каких-либо правил поведения.

В Крыму гордым девушкам, гуляющим в полуголом виде, мысль о лифчиках даже не приходит в голову¹⁵, для молодого парня вершина свободы – это закурить марихуану в присутствии отца¹⁶, а сексуальная развязность становится нормальным явлением. Вместе с тем полная безнравственность прикрывается маской интеллигентности, исчезающей полностью в определенных условиях. Аксенов описывает, например, как несколько бутылок вина заставили одного из героев покинуть начинающийся застенчивым молчанием обед культурной элиты:

Сабашников поведал Лучникову, как развивались за эти полчаса события на дружеском кинообеде. Американские знаменитости в конце концов обозвали его дегенератом-дворянином, а Лючия Кларк расстегнула ему под столом молнию на ширинке. Как ты понимаешь, обстановка за столом стала невыносимой¹⁷.

В крымском обществе все обо всех все знают благодаря ТИ-ВИ-МИГ, подробно освещающему в прямом эфире все, даже самые личные, подробности жизни знаменитостей. Несмотря на такое положение вещей притворность и общественный маскарад не прекращаются.

Полное бескультурье выглядывает также из-под масок достоинства у представителей политической элиты СССР, собравшихся в кругу единомышленников.

– Какого хуя? – развело тут руками „видное лицо“. (Красивое слово явно было произнесено для того, чтобы снять напряжение [...]). – Однако я, робяты, не возьму в толк: на что этот ебанный Лучников сам-то рассчитывает в этой своей

¹⁵ Там же, с. 20.

¹⁶ Там же, с. 21.

¹⁷ Там же, с. 95.

„Общей Судьбе?”. Цель была достигнута – все разулыбались. Какого, в самом деле хуя? Ебанный дворянчик – обнаглел в пизду. Святыни наши марает – Революцию, Сталина... На какого хуя он рассчитывает в советском Крыму?¹⁸

Неслучайно в одном предложении рядом с ненормативными выражениями появляются названия советских „святынь”. Аксенов таким образом в очередной раз показывает, что партийная верхушка СССР ментально ничем не отличалась от уличной шпаны. В описании внутренней, застенелой и четко определенной структуры советского руководства нередко появляется гротеск, ярко выраженный в сцене заседания комитета по внешней политике.

Видное лицо здесь вовсе не главенствовало, оно сидело, правда, в чрезвычайно выгодной позиции, за одним столом, в одном ряду с тремя „виднейшими лицами”, однако соблюдало этическую дистанцию длиной в два стула. За отдельным столом в углу огромного кабинета помещались три помощника „виднейших лиц” и один помощник „Видного лица” (с большой буквы). Все присутствующие пожали руку Марлену Михайловичу, после чего ему было предложено занять место за главным столом, напротив „портретов”. [...] Портреты смотрели на него хмуро и деловито, с каждым годом черты усталости и возрастные изменения все больше проступали на них, несмотря на все большие успехи Системы и Учения в мировом масштабе¹⁹.

Внутренняя безыдейность системы приводит к ситуации, в которой самой большой святостью в кругах власти становится партийная иерархия, а высшие чины берут на себя роль „портретов”.

Безыдейность в романе Аксенова охватила также политическую систему Крыма, в которой наблюдаются явления, напоминающие недавнюю или даже актуальную обстановку во многих восточно- и центральноевропейских странах. Против фракции яки-националистов во Временной Думе дружно выступает красочная коалиция в составе Союза Возрождения России и Престола, коммунистов, социал-демократов, конституционных демократов, „трудовиков” и „друзей ислама”, а когда правого радикала Игнатъева-Игнатъева вычисляет из своих рядов „Волчья Сотня”, он с гордостью признается: „Теперь я член партии „коммунисты-нефтяники”²⁰. Политическая окраска оказывается явлением чисто условным и ни к чему не обязующим.

В итоге в романе мы имеем дело с бесконечным маскарадом, где все потеряли фундаменты своей идентичности. Как справедливо отметила С. Козлова, „ирония автора придает беспечной свободе острови-

¹⁸ Там же, с. 226.

¹⁹ Там же, с. 236.

²⁰ Там же, с. 291.

тян характер карнавальной иллюзии, недолгого праздника”²¹. Функционируя в лишенной истинных духовных ориентиров действительности, герои приспособляются или, слишком поздно осознавая свое заблуждение, одни гибнут (как Татьяна Лунина), а другие сходят с ума (Андрей Лучников). В последней главе *Острова Крым* появляется „черная сатира”, исходящая из сюрреалистической философской категории злобного хохота в ожидании конца света, поскольку иных надежд на избавление нет²². Сумасшедший Андрей Лучников заливается смехом, наблюдая гибель Крыма.

Василий Аксенов в своем романе показывает, насколько губительным может быть непонимание окружающей действительности, стремление рассматривать происходящее с идеалистической точки зрения и заикленность на своем понимании миропорядка. Писатель показывает, что в „большой” политике всегда главенствовал принцип жесткого прагматизма и реализма, чего до сих пор не понимают многие участники мирового сообщества. Именно упорное выдавание желаемого за действительное привело в конечном итоге к гибели наивное общество Крыма. Полное нежелание понимать советскую действительность, сопряженное с жаждой воссоединения с исторической родиной, сформировало у крымчан своего рода иммунитет по отношению к какой-либо рациональной аргументации. Один из жителей острова много думал над ситуацией

так называемого „доносительства” и понял, что в основе своей она идет от великого чувства общности, чувства единой семьи, от массовой тяги к совершенству, от чувства некой общей „матери”²³.

Преимущественно такой подход вытекал из упомянутой проблемы нехватки самоидентичности и общей идеи, вызвавшей в обществе жажду верить во что-либо. Ответом на это отчаяние был СОС, неслучайно названный такой аббревиатурой Союз Общей Судьбы – политический блок во главе с Андреем Лучниковым, который вопреки здравому смыслу, руководствуясь моральным долгом по отношению к русскому народу, взял на себя мессианскую задачу спасти изнутри СССР, добровольно входя в его состав.

Остров Крым завершает трагикомическая „театральная” глава *Весна*. В ней действие романа превращается в карнавальный спектакль, сюр-

---

²¹ С. К о з л о в а, *Альтернативы прошлого и будущего России в современной отечественной прозе*, „Вестник Томского государственного университета. Сер.: Филология” 2008, № 3(4), с. 75.

²² В. П о л о н с к и й, указ. соч.

²³ В. А к с е н о в, указ. соч., с. 280.

реализм и абсурд достигают своих вершин, а остров Крым погибает в стиле голливудского блокбастера. Завершение романа В. Аксенова хорошо вписывается в охарактеризованный М. Бахтиным карнавальный смех, с сопутствующими ему комическими образами смерти, „веселыми растерзаниями”²⁴. Ведь, как справедливо отмечает Э. Каман, в карнавальном празднестве обновления жизни „веселые растерзания” связаны с трагической стороной праздника, с жертвой²⁵. Уничтожение либерально-демократического альтер-эго СССР проводится в ходе военно-спортивного праздника под общим названием „Весна”, который, как читаем на страницах романа, превышал по масштабам братскую помощь Чехословакии²⁶. Даже в момент военного вторжения советской армии, видя десантные войска и танковые подразделения, крымчане не покидают новообретенной веры.

Из всего этого следовало [...] что в Москве торжествуют „прагматики” [...] ведь в самом деле, что же за нелепость – вторжение в страну, добровольно присоединившуюся²⁷.

Вершин абсурда достигают репортеры ТИ-ВИ-МИГ, до конца наивно веря в спортивно-военный праздник „Весна”:

– Странная акция десантного соединения, – хрипел, закрываясь локтем знаменитый комментатор Боб Коленко, лицо у него было разбито в кровь, сзади на него наседали, просунув ствол карабина под подбородок, невозмутимый „голубой берет”, но Боб Коленко видел нацеленный откуда-то глаз уцелевшей камеры и потому продолжал хрипеть: – Странная игра. Имитация атаки на средства массовой информации. Вы видите, господа, этот мальчик душит меня стволом своего карабина. Кажется, он принимает эту игру слишком всерьез [...]²⁸.

На противоположном полюсе находилось советское телевидение:

Московский канал, между тем, передавал вчерашний выпуск программы „Время”, материалы о ходе весенних посевных работ, выступление временного поверенного Республики Мозамбик в связи с национальным праздником, вручение наград ветеранам угольной промышленности [...]²⁹.

---

²⁴ М. Бахтин, *Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса*, Москва 1990, с. 105.

²⁵ Э. Каман, *Парадигма праздника в трудах В.Я. Проппа и М.М. Бахтина*, „Studia Mythologica Slavica” 1999, nr II, с. 267.

²⁶ В. Аксенов, указ. соч., с. 330.

²⁷ Там же, с. 310.

²⁸ Там же, с. 319–320.

²⁹ Там же, с. 314.

В итоге не может узнать правду ни советский, ни свободный крымский зритель. Шире роль информационного пространства в романе Аксенова анализирует П. Деотто, заключая, что телевизионные и кинематографические фильтры, стирая границу между воображаемым и реальным миром, препятствуют настоящему диалогу между западной и советской культурой. В результате происходит „двойное непонимание и, следовательно, абсолютное отсутствие настоящего диалога”³⁰.

Явления, описанные Аксеновым в романе, можно заметить в России наших дней. Современная Российская Федерация становится в политико-социальном плане своего рода гибридом капиталистического острова Крым и СССР времен Леонида Брежнева. В Москве растут небоскребы, развивается так называемый Москва-Сити, супермаркеты и торговые центры („моллы”) стали обыденным явлением. Западно-европейские и американские компании начинают разведку и добычу углеводородов в России, голливудская кинопродукция и западная поп-культура формируют социальное пространство, а границы по сравнению с советской эпохой стали просто прозрачными. Вместе с тем вполне благополучно существует авторитарная власть и коррумпированная бюрократическая система. Российское официальное телевидение стало тем временем смесью аксеновской программы время и светских репортажей в стиле ТИ-ВИ-МИГ, а процесс выстраивания диалога на линии Москва – Запад еще далек от завершения. В результате с полной уверенностью можно констатировать, что роман *Остров Крым* и сегодня остается актуальным.

---

³⁰ П. Д е о т т о, „*Остров Крым*” Аксенова (Симуляции несостоявшегося диалога между советской и западной культурами), [электронный ресурс:] <http://www.openstarts.units.it/dspace/bitstream/10077/2391/1/11.pdf> (12.09.2012).